Настоящая публикация представляет собой перевод с японского языка главы «Политическая культура Японии» из вышедшей в токийском издательстве «Минерва» книги Сэйдзи рирон («Политическая теория») выдающегося японского политолога Иногути Такаси. Его исследовательский подход к политической культуре не ограничивается рамками рассмотрения состояния массового сознания и институциональным анализом. Не опираясь излишне ни на индивидуалистические, ни на коллективистские ценности, не подчеркивая ни доверие, ни его отсутствие, японская политическая культура трансформируется под влиянием эндогенных и экзогенных факторов. Ученый показал, что разбор специфики феномена доверия и доминирования ценностей группизма не дает полной и адекватной картины японской политической культуры. В исследовании Иногути в поле концептуализации включены такие факторы, как исторический нарратив, историческая память, политические мифы, идентичность, политическая коммуникация, представления о легитимности, которые не менее важны, чем такие факторы, как конструкция политической системы и конкретное соотношение политических сил.

Ключевые слова: политическая культура, Япония, традиционное общество, массовое сознание, группизм, доверие.

Дискуссии относительно политической культуры Японии В широком контексте исследований

Политическая культура – это присущий тому или иному сообществу людей набор характеристик, включающий общую историческую память, идентичность, нормы и ценности, верования и предпочтения, социальные практики и обычаи². Понимаемая таким образом политическая культура формирует подход к размышлению о политике, исходя из некоего алгоритма. Аналогичным образом политика может быть определена как ответ на вопросы «когда?», «кто?», «что?» и «каким образом?»³ или как властное распределение ценностей⁴. Таким образом, политическая культура складывается и разделяется конкретной группой людей с общей памятью и историческим опытом.

¹ Иногути Такаси. Нихон сэйдзи бунка : [Политическая культура Японии] // Иногути Такаси. Сэйдзи рирон : [Политическая теория]. Токио: Минерва, 2015. v+278 p. (猪孝. 日本政治文化 // 猪口孝. 政治理論. 猪口孝編者. 東京: みねるわ原書房、2015.) С. 159–174.

² См.: Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963; Pye Lucian W. Asian Power and Politics: The Cultural Dimensions of Authority. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1988; Rich R. Pacific Asiain Quest on Democracy. Boulder: Lynne Rienne, 2007.

³ Laswell H. Politics: Who Gets What, When, How. N.Y.: Peter Smith Publishing, 1990.

⁴ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. Chicago: University of Chicago Press Easton, 1979.

Существует внушительный массив исследовательской литературы по японской политической культуре. К примеру, Рут Бенедикт, предвидя оккупацию Японии союзными державами после Второй мировой войны, написала книгу с четкой целью помочь лучше понять японскую культуру⁵. В этой книге она, проведя сравнение с демократическим и индивидуалистическим характером западного человека, в основе которого лежит культура «греха», подчеркнула авторитаризм и коллективизм японцев, в основе которых лежит культура «стыда». Кроме того, Наканэ Тиэ, антрополог, изучавшая социальную организацию народов Тибета, Индии и Китая, охарактеризовала японское общество как «вертикальное», считая, что его иерархичность представляет собой в значительной степени наследие феодальной системы⁶. Также медик Такэо Дои утверждал, что японцы, в раннем возрасте окруженные чрезвычайным вниманием и заботой своих матерей, во взрослой жизни, совершая ошибки, также ждут от окружающих снисхождения и понимания⁷.

Если в целом взглянуть на литературу по данной тематике, то в многочисленных работах, посвященных японской культуре, в частности, согласно лучшему, на наш взгляд, критическому исследованию Сугимото Ёсио и Росса Мауэра⁸, выделяются следующие три ее основные особенности: это низкий уровень индивидуализма, высокий уровень коллективизма, а также приверженность консенсусу, сотрудничеству и интеграции. Указаниями на эти особенности японской культуры изобилуют труды как западных, так и японских исследователей. В такого рода изысканиях часто говорится, что у японцев нет сильного внутреннего «я», что они способны к слепому подчинению, что они, с одной стороны, презирают самовыражение и конкуренцию, а с другой – чтят сотрудничество и согласие. Такого рода описания японского характера с очевидностью являются односторонними и ошибочными. Со временем повсеместно в различных группах людей происходят существенные изменения.

Изменения и различия

Прежде всего рассмотрим японскую политическую культуру с точки зрения ее динамики и разнообразия. При этом основными темами, на которых мы сосредоточимся, будут темы, касающиеся социального капитала, пацифизма, авторитаризма, постмодернизма, политических идеологий. В качестве социологических параметров, которые будут приниматься во внимание при объяснении трансформаций, мы выделяем такие, как регион, поколение, класс и неопределенность. Мы также

⁵ *Benedict R.* The Chrysanthenum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1946.

⁶ *Nakane Chie.* Japanese Society. Berkley: University of California Press, 1970.

⁷ *Doi Takeo.* The Anatomy of Dependence. London: Kodansha Europe, 1978.

⁸ *Sugimoto Yoshio, Mauer Ross.* Images of Japanese Society. London: Kegan Paul, 1986.

проследим трансформации политической культуры на протяжении весьма длительного времени, начиная с периода позднего Средневековья, концентрируя внимание на индивидуалистических или коллективистских ориентациях ряда знаменитых представителей искусства. При этом для уяснения сути политических изменений мы обратимся к эпохе Токугава в Японии и времени правления королевы Елизаветы в Великобритании. Проведение такого исследования позволит ясно представить культурные трансформации, которые происходили до эпохи Мэйдзи.

Поскольку коллективизм считается ключевым элементом политической культуры современной Японии, важной задачей является определение исторического контекста его возникновения.

Используя данные опросов общественного мнения, сделанные Asia-Barometer Survey и Asia-Europe Survey, мы проведем сопоставление политических культур Японии и других стран, в частности стран Восточной и Юго-Восточной Азии и Западной Европы. Зачастую исследования современной политической культуры Японии проводятся либо путем всестороннего целостного изучения особенностей японской природы, истории, общества, экономики, политики, либо путем сравнения с безусловно принимаемыми представлениями о западной политической культуре, сформированными западными авторами. Однако, на наш взгляд, принципиально важно именно всестороннее систематическое сравнение японской политической культуры с политическими культурами других стран, независимо от их удаленности от Японии. Основное внимание в подобном рода тематических сравнительных исследованиях сосредоточено на таких параметрах, как идентичность, доверие, чувство удовлетворенности по отношению к государству и степень удовлетворенности в повседневной жизни, а также семейные ценности.

Динамика и разнообразие японской политической культуры

Региональные различия

Японское общество нередко считают в основном культурно однородным. Значительные изменения, которые сразу трудно заметить отчасти в силу методологических трудностей, подчас упускаются из виду. Так, региональные различия в социальном капитале и в уровне доверия в межличностных отношениях от региона к региону, от города к городу не могут быть точно отражены опросами общественного мнения. Крупномасштабный многолетний мониторинг не проводится из-за бюджетных ограничений, поскольку необходимо проанализировать и объяснить результаты опроса для каждой префектуры, что требует существенных затрат. Однако такого рода исследования очень важны, поскольку они помогают установить криминогенные районы, сообщества этнических меньшинств, а также выделить сообщества (группы), подвергающиеся

дискриминации и т. д. Даже если такие опросы преследуют чисто академические цели, оставлять без внимания подобные районы и сообщества было бы политически ошибочно. Хорошим примером, связанным с капиталом социальных связей в регионе, может служить Осака. В последние годы стала представлять социальную проблему разновидность мошенничества по отъему денег с использованием телефона, которая получила название «развод “это я”» (*орэорэ саги*). Схема вымогательства заключается в том, что мошенник звонит жертве по телефону и говорит, что ее сын/дочь сбил(а) на машине человека. Называясь представителем пострадавшей стороны, мошенник предлагает жертве перевести на указанный им банковский счет некую сумму денег, чтобы уладить дело. Осака является регионом, где такого рода мошенничество происходит реже всего. Люди в Осаке с очевидностью демонстрируют склонность к осторожности и подозрительности, и скорее согласятся с поговоркой, что «с людьми следует держаться настороже», чем с утверждением, что «людям следует доверять». Обнаружение системы такого рода телефонного мошенничества позволяет выявить некоторые методологические проблемы. Приведем еще один пример. Многие частные школы в регионе – городах Осака, Киото, Хёго, Нара, чтобы дать возможность своим лучшим ученикам сдавать несколько раз экзамены в престижные университеты страны и тем самым повысить свой рейтинг по поступлению выпускников в лучшие университеты, приняли на себя обязательства по оплате вступительных экзаменов. И хотя в этом нет ничего противозаконного, многие усматривают тут моральную проблему. В других префектурах таких ситуаций не наблюдалось.

Тем не менее, преждевременно было бы утверждать, что в Осаке, Киото, Хёго, Наре уровень социальных связей низок. Причина в том, что из-за недостаточности охвата экспериментальной базы невозможно провести статистически значимое исследование. Однако в районе Кансай, исторически являвшимся центром власти Японии, император, резиденция которого находилась в Киото, руководил страной лишь номинально, а люди, стремившиеся управлять от его имени, часто узурпировали власть. Возможно, эти исторические особенности оказали влияние на то, что по сравнению с развившимся за несколько веков относительно молодым регионом Канто капитал социальных связей района Кансай несколько ниже. Сделанные Робертом Патнэмом внутринациональные сравнительные исследования зависимости между капиталом социальных связей и результатами публичной политики на юге Италии, с одной стороны, и севером и центром Италии – с другой⁹, могут быть применены и к районам Кансай и Канто в Японии.

⁹ Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Кроме того, у жителей Осаки средняя продолжительность жизни меньше, чем в целом по стране. Также и на других примерах, помимо Осаки, на основании достаточно репрезентативной выборки данных четко доказана связь между низким уровнем доверия и невысокой средней продолжительностью жизни.

Все вышесказанное означает, что даже с помощью систематического эмпирического исследования выявляются трудности определения региональных различий, если в течение долгого времени подходить к рассмотрению общества как централизованного и стандартизированного в масштабе всей страны. Когда выборка данных в масштабе всей страны недостаточна, объем наблюдений за регионами также недостаточен для регистрации статистически значимых различий (хотя в большинстве случаев эти различия не принципиальны).

Различия между поколениями

Принято считать, что между поколениями существуют большие отличия. Говорят, что те, кто получил образование до и после 1945 г., разнятся по способу мышления и образу жизни. Первая когорта сохраняет значительную склонность к пацифизму и авторитаризму¹⁰. К концу XX века большинство людей принадлежало к поколениям, не испытывавшим Вторую мировую войну. Первый лозунг политики премьер-министра Абэ Синдзо был сформулирован как «отход от послевоенного режима», а это означает, что была поставлена цель преодоления чрезмерного пацифизма и антиавторитаризма (различия между поколениями определены на основании общенационального опроса общественного мнения на тему особенностей национального характера, проводимого Институтом статистических исследований Министерства образования, культуры, спорта, науки и техники за период 1950–2000 гг.) Что касается школьного образования, то поколение, родившееся сразу после 1945 г., – наиболее многочисленное «поколение бэби-бума» – демонстрировало энергию и энтузиазм в противоположность следующему поколению, отличавшемуся слабостью и апатией. В начальной школе дети, родившиеся между 1945 и 1955 г., учились в среднем по 60 человек в классе, теперь среднее число учеников в классе – от 30 до 40 человек. В ситуации послевоенного поколения даже среди школьников существовала жесткая конкуренция за всё – начиная с еды и друзей и кончая соревнованием на экзаменах и на спортивных площадках. Таким образом, пацифизм и антиавторитаризм стали двумя наиболее заметными тенденциями среди многочисленных отличий в предпочтениях, характерных для этого поколения.

¹⁰ Различия между поколенческими когортами установлены на основании результатов опросов на тему особенностей национального характера, проведенных Институтом математической статистики – Токэй сури кэнкюдзё. Кокуминсэй тэса иинкай: 1961, 1970, 1975, 1982.

Одной из областей, где разрыв между поколениями был наименее заметен, стал постматериализм. Его можно охарактеризовать как стиль жизни, в котором определяющимися являются такие ценности, как личная свобода, равенство мужчин и женщин, гармония с окружающей средой, общественная безопасность, социальная справедливость. Переход от материализма к постматериализму происходит медленно и постепенно. Ватануки Дзёдзи¹¹ свидетельствует, что, по сравнению со склонностью к пацифизму и антиавторитаризму, четкого различия между поколениями в отношении к постматериализму не наблюдалось. Иными словами, степень проникновения постматериалистического стиля жизни в Японии не различалась от поколения к поколению.

Классовые различия

Не меньшего внимания заслуживают различия между социальными группами (классами). Проблема классовых различий была актуальна для Японии в период 1945–1975 гг.¹² А именно, если взглянуть с точки зрения приверженности той или иной политической идеологии, то люди с хорошим образованием, состоящие в профсоюзах и живущие в городах, отличались склонностью к левым настроениям, а люди менее образованные, владеющие землями и рисовыми полями, магазинами и фабриками и живущие в сельской местности, обычно тяготели к правым взглядам. Принадлежность к левой идеологии означает приверженность пацифизму, борьбу за права объединений, против американско-японского договора безопасности, критическое отношение к патриотизму. Сторонники правой идеологии отстаивают право на самооборону, свободное предпринимательство, поддерживают договор безопасности и выражают патриотические настроения. Политика и реформы оккупационных властей способствовали увеличению числа сторонников политических сил правого толка, которые затем объединились в Либерально-демократическую партию (ЛДП), социальную базу которой составили фермеры, владельцы магазинов и фабрик. Партии левого толка также получили развитие благодаря поддержке профсоюзов представителей послевоенного движения за мир преимущественно в больших городах. На парламентском уровне эта дихотомия выразилась в консолидации так называемой системы 1955 года, при которой вплоть до 1993 г. ЛДП непрерывно являлась правящей партией, а Социалистическая партия Японии мирилась с почти неизменной ролью главной оппозиционной партии.

В период с 1975 по 2005 г. эта модель претерпела некоторые изменения. Количество членов профсоюзов резко уменьшилось. Стремим

¹¹ *Watanuki Joji*. Materialist versus Postmaterialist Orientations in Japan // Research Papers. Institute of International Relations, Sophia University, 1979.

¹² *Richardson B.* The Political Culture of Japan. Berkeley: University of California Press, 1974.

тельно сократилось и число владельцев земли, фермеров, хозяев фабрик и магазинов. Кроме того, в стране значительно возрос доход на душу населения. Такая конфигурация событий способствовала возникновению феномена, получившего название «всеобъемлющий массовый средний класс 1975–1990 годов»¹³. Эти и ряд других факторов сделали различия между левыми и правыми менее очевидными в политике с точки зрения поддержки путем голосования и других форм политического участия. Однако общность, названная затем «новым средним классом», стала далее подвергаться стратификации. И хотя классовые различия между правой и левой идеологией были значительно сглажены, коллективистские и авторитарные ценности, с одной стороны, и социально-экономические сети – с другой, остались двумя основными факторами, определяющими парадигму поддержки политических партий.

Между 1990 и 2005 г. волна глобализации, породившая значительный разрыв между богатыми и бедными и вызвавшая колоссальную разницу в доходах, способствовала тому, что коэффициент Джини в Японии занял одну из самых высоких позиций среди стран ОЭСР¹⁴. Появился новый класс «работающих бедных» – людей, которые неуклонно теряют свое здоровье и благосостояние¹⁵. Кроме того, в качестве устойчивой нарастающей тенденции можно выделить феномен так называемой персонализации политики¹⁶. Ему присущи следующие черты: 1) возрастание важности личных качеств политика; 2) упор на завлекающие фразы и лозунги, распространяемые через средства массовой информации и Интернет; 3) снижение роли партий как мобилизующей силы и фокусирующих центров политики; и, наконец, 4) снижение значимости национальной бюрократии¹⁷. Создается впечатление, что неопределенность становится ключевой переменной. Среди электората существует два типа людей: те, кто встречает неопределенности и риски с долей оптимизма, и те, кто боится двигаться вперед. Предпочтение старых социально-экономических сетей и ценностей коллективизма и

¹³ Murakami Yasusuke. The Age of the New Middle Mass Politics: The Case of Japan // The Journal of Japanese Studies. 1982. Vol. 8 (Winter). P. 29–72.

¹⁴ Хаяси Синго. Синобиёру нэо-какуса сьякай: [Подступающее новое общество неравенства]. Токио: Хэйбонся, 2005.

¹⁵ Tokuda Yasuharu, Inoguchi Takashi. Influence of Income on Health Status and Healthcare Utilization in Working Adults: and Illustration of Health among the Working Poor in Japan // Japanese Journal of Political Science. 2009. Vol. 10. Pt.1 (June). P. 79–92.

¹⁶ Inoguchi Takashi. The Asia Barometer Survey Questionnaire of 2006 // Japanese Journal of Political Science. 2007, Vol. 8. Pt 3 (December). P. 427–453; Inoguchi Takashi. Japanese Contemporary Politics: Towards a New Interpretation // Ed. by Rien Segers. A New Japan for the Twenty-first Century: An Inside Overview of Current Fundamental Changes and Problems. London: Routledge.

¹⁷ McAllister I. The Personalization of Politics // The Oxford Handbook of Political Behavior. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 571–588.

авторитаризма все еще играет важную роль, однако постепенно предпочтения меняются. Подобное явление характерно не только для Японии, его можно наблюдать повсюду в мире. Не только Тони Блэр в Великобритании и Сильвио Берлускони в Италии, но и Чинават Таксин в Таиланде и Дзюньбитиро Коидзуми в Японии также являются примерами персонализации в политике. Одновременно с этим явлением трансформируется и политическая культура.

Культурные изменения, произошедшие с эпохи Мэйдзи

Четыре литератора

Прежде чем говорить об изменениях японской культуры, произошедших с периода Мэйдзи, необходимо кратко остановиться на трансформациях, имевших место в эпоху позднего Средневековья. С течением времени их значимость становится все более очевидной. В связи с полемикой, касающейся влияния индивидуализма и коллективизма на японскую политическую культуру, целесообразно высказать некоторые соображения, прибегнув к примерам ряда выдающихся поэтов и писателей, наглядно выражавших дух своей эпохи. Четыре персоналии, которые будут рассмотрены, это – Иккю Содзюн, Тикамацу Мондзаэмон, Нацумэ Сосэки и Мураками Харуки.

Первый из них, Иккю Содзюн – буддийский монах и поэт эпохи Мурамати. Многие из его стихотворений посвящены любви к монахине. Эмоции и предпочтения, выраженные в его поэзии, определенно не содержат ни намека на коллективизм. Он творил в эру индивидуализма. Период Средневековья и эпоха «сражающихся княжеств» были временем индивидуализма, когда для самурая важнее всего были такие качества, как личная честь, достоинство (名譽型個人主義)¹⁸. Для представителей искусств Киото в высшей степени была значима галантность¹⁹. Индивидуализм личной чести – это тип психологической и культурной ориентации, при которой чувство собственного достоинства ставится превыше всего и выражается подчеркнутая готовность его отстаивать. Галантность в искусстве – это одна из форм духовной культуры, которую отличает высокое художественное мастерство и изысканность в деталях, основанные на выражении индивидуальных усилий автора. В те времена развод был обычной практикой и часто инициировался женщинами.

Тикамацу Мондзаэмон – драматург, писавший пьесы для широкой публики, приобретший благосостояние и снискавший известность в на-

¹⁸ *Ikegami Eiko*. The Taming of the Samurai: Honorific Individualism and the Making of Modern Japan. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

¹⁹ *Ikegami Eiko*. Bonds of Civility: Aesthetic Networks and the Political Origins of Japanese Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

чале XVIII века Японское общество позднего Средневековья совмещало в себе децентрализацию, свойственную Средним векам, и централизацию, присущую современным обществам. В середине правления дома сёгунов Токугава существовало около 300 княжеств, обладавших относительной автономией, которая, правда, не распространялась на такие сферы, как оборона, дипломатия и внешняя торговля. Однако волны централизации, принявшие форму тотального контроля, невзирая на различия в социальном статусе, постепенно захлестнули общество эпохи Токугава. Это обстоятельство побудило Тикамацу к творчеству. А именно: его герои ставились в ситуацию выбора между общественным долгом и человеческими чувствами. И первый коллективистский мотив часто брал верх над индивидуалистским. В его пьесах единственным путем преодолеть дилемму было *синдзю* – двойное самоубийство влюбленных.

Нацумэ Сосэки – новеллист конца XIX – начала XX вв. на старте своей карьеры был также преподавателем английского языка и литературы. Во время учебы в Лондоне впал в депрессию оттого, что его успехи в усвоении языка были крайне скромны. По возвращении на родину он время от времени страдал от душевного расстройства, вызванного сильными эмоциональными переживаниями на почве подавления свободы государством эпохи Мэйдзи. Комфортно он чувствовал себя только тогда, когда писал новеллы, посвященные переживаниям своего внутреннего «я». Многие из его произведений, приобретших популярность в стране, которая становилась все более централизованной, получили название «повести о себе» (*I-novel*, 私小説). Поэтому Нацумэ Сосэки можно назвать индивидуалистом, испытывающим давление со стороны государства и погруженным в свое внутреннее «я».

Творчество писателя последней четверти XX – начала XXI века Харуки Мураками сконцентрировано на внутреннем космосе человека. Персонажи его произведений испытывают радость от встреч с другими людьми в комфортной обстановке. Основные занимающие его темы – это воспоминания других людей и эмоции, связанные с этими воспоминаниями. Лейтмотивом его творчества стала предвосхитившая открытие в области неврологии теория подражания обезьян (*monkey see, monkey do*), в соответствии с которой, когда обезьяна видит движения человека, ее память активизируется и приводит в движение мышцы²⁰. Герои Мураками в большинстве своем индивидуалисты. Они сосредоточены на своем внутреннем «я», но в то же время они открыты и расположены в отношении других людей. В этом одна из причин того, что книги Мураками стали бестселлерами по всему миру.

²⁰ Rizzolatti G., Arbib M. A. Language within Our Grasp // Trends in Neuroscience. 1988. Vol. 21. No. 5. P. 188–194.

Меняющаяся японская культура

Как показывают приведенные примеры, культура не есть статичное явление. Она представляет собой сложный и подвижный комплекс, состоящий из человеческой памяти и обычаев. Со сменой эпох люди тоже меняются. Так как коллективизм в исследованиях политической культуры современной Японии неизменно акцентировался как наиболее значимая ее черта, крайне важно рассмотреть его в длительной исторической перспективе. Поскольку коллективизм (вместе с авторитаризмом) считается ключевой чертой современной японской политической культуры, важность его осмысления в широком контексте политических трансформаций трудно переоценить.

Чтобы лучше представить, какие изменения произошли в японской культуре в течение последних столетий, целесообразно провести сравнение между Японией эпохи Токугава (1603–1868) и Великобританией времен королевы Елизаветы. Период «воюющих княжеств», ознаменовавший собой конец эпохи Средневековья в Японии, был периодом крайнего индивидуализма. Это было связано с тем, что прежние наследственные титулы и классовые различия в условиях нарастания жесткой конкуренции часто утрачивали свою значимость. В это время важнее всего стала сила, и в начале периода Токугава был установлен определенный порядок и началась волна централизации. Однако между Японией периода Токугава и Великобританией при династии Тюдоров времен правления королевы Елизаветы существовали определенные различия, заключавшиеся в том, что Япония в этот период не достигла высокой степени централизации, а Великобритания, будучи абсолютной монархией, начала процесс сильной централизации, или концентрации, власти²¹. В Японии правящий дом Токугава предоставлял каждому из более чем трехсот княжеств значительную долю автономии. Это немного напоминало федерализм, поскольку при определенной самостоятельности княжеств центральное правительство сёгунов Токугава взяло на себя функции обороны, дипломатических отношений и внешней торговли. Все княжества были независимы в вопросах внутренней политики. В Великобритании абсолютизм, существовавший при Тюдорах, сохранялся и при последующей династии Стюартов, однако монархия испытывала все нарастающие вызовы со стороны парламента и других общественных сил. Эти вызовы способствовали неминуемой трансформации абсолютизма в направлении либерализма и демократии в последующие века. В Японии режим Токугава консолидировал существовавшую квазифедеральную систему вплоть до столкновения с западной цивилизацией.

²¹ *Inoguchi Takashi. Japan's Medieval Legacy // Asian Affairs. 1999. No. 9. P. 19–28.*

Однако ответ японцев на вызовы западной цивилизации не вылился в концентрацию власти в руках императора. В результате реставрации монархии Мэйдзи сословные различия между самураями, крестьянами, ремесленниками и торговцами были ликвидированы. Большинство самураев потеряли свои должности и были приняты на государственную службу. Среди лишившихся прежних должностей самураев были и такие, которые стали политиками, бизнесменами или журналистами. Механизм, посредством которого происходило назначение на должности в новый бюрократический аппарат, был реконструированным вариантом прежней квазифедеральной системы в новом централизованном правительстве Японии середины и конца XIX века. А именно, отдельные министерства нередко формировались на основе найма людей, которые были задействованы на службе в управлении княжествами. Когда центральное правительство было сформировано и во главе министерств встали министры, они стали назначать на должности своих единомышленников из числа бывших самураев тех же княжеств. С целью консолидации каждый бюрократический орган был до некоторой степени автономен. К примеру, армейская верхушка в значительной мере состояла из уроженцев княжества Тёсю, а руководство флота – княжества Сацума. Полицейское управление во многом составили бывшие самураи из провинции Хиго и замка Айдзу-Вакамацу, а финансовое – из княжества Хидзэн. Реставрация Мэйдзи воспроизвела сформировавшееся в мирные времена периода Токугава политическое устройство, вобрав в себя и сохранив систему внутреннего разделения власти. Конституция Мэйдзи наделила огромной властью отдельные министерства в силу того, что она предоставила министрам право вето на любые решения кабинета. Премьер-министр имел положение чуть выше первого среди равных. Однако при этом отношения на уровне государства и общества были в высшей степени централизованными. Государственный бюрократический аппарат имел свои департаменты на местах, через которые происходило непосредственное политическое управление. Таким образом, картина Японии Нового времени оказалась довольно сложной. На высшем уровне центрального правительства власть была фрагментирована и децентрализована. Однако каждая бюрократическая структура выстраивала централизованную вертикаль власти, доходящую до самого низового уровня.

При такой системе коллективизм прогрессировал, и государственная власть реально ощущалась в ее конкретных проявлениях. Что касается культурных изменений в долгой исторической перспективе, то индивидуализм второй половины XVI века к началу XVIII, когда сформировалась централизованная система власти, трансформировался в умеренный коллективизм. Далее на протяжении времени от периода Мэйдзи до конца периода Сёва он превращался в современный коллективизм,

который достиг высшей точки своего развития в середине XX века. Затем он обрел форму нового коллективизма, пик которого пришелся на позднюю стадию эпохи Сёва, и, наконец, в период Хэйсэй вектор общественных настроений постепенно стал смещаться в сторону индивидуализма. В каком-то смысле японская культура подобна губке, которая, поглощая различные стимулы из внешней среды, сама меняется под их воздействием. И движение от индивидуализма к разным формам коллективизма, и снова постепенный дрейф от коллективизма к индивидуализму – хорошая тому иллюстрация.

Что проясняется при сравнении Японии и Великобритании

Чтобы привнести нечто новое в исследования политической культуры современной Японии, проведем ее сопоставление с политической культурой Великобритании. В этом плане весьма красноречиво выглядят два примера²². В сентябре 2007 г. сразу после объявления об отставке, премьер-министр Абэ Синдзо был госпитализирован и находился в больнице в течение двух недель, при этом кандидатура нового премьер-министра не была выдвинута, в связи с чем медийные ресурсы писали, что Япония может управляться и без премьер-министра. Второй пример относится к ситуации, когда следующий премьер-министр, Фукуда Ясуо, занял примирительную позицию по отношению к главной оппозиционной партии – Демократической партии Японии, которая имела большинство в Палате советников. Чтобы возобновить действие закона о обеспечении топливом истребителей США, Великобритании и Пакистана, принимающих участие в антитеррористической операции в Афганистане, срок действия которого истекал 31 октября 2007 г., Фукуда мог бы в соответствии с Конституцией утвердить пересмотренный закон, дважды проведя его через Палату представителей, в которой Либерально-демократическая партия имела комфортное большинство. Однако он этого не сделал. Взамен он выждал около двух месяцев, в течение которых сделал попытку договориться с Одзава Итиро, лидером оппозиционной партии, о формировании большой коалиции между Либерально-демократической партией и Демократической партией Японии. Лишь после того, как идея широкой коалиции была заблокирована семью видными представителями руководящих органов партии Одзавы, Фукуда перешел к продвижению пересмотренного закона, проведя его дважды через Палату представителей после того, как Палата советников его не утвердила. Фукуда не стал выносить на утверждение пересмотренный законопроект немедленно после своего прихода к власти, хотя он был крайне необходим правительству Японии для демонстрации преданности альянсу с США. Эти два примера позволяют составить некоторое представление об отсутствии абсолютистского наследия в Японии.

²² *Anderson P. Lineages of Absolutism. London: Verso, 1975.*

А в Великобритании абсолютизм прочно закрепился. Несмотря на разного рода вызовы, государственная власть там остается неизменной, продолжает ли она находиться под зонтиком абсолютизма или парламента (как красочно описал эту ситуацию Майкл Манн в книге *The Source of Social Power*)²³. В Японии же первые попытки установления абсолютизма благодаря мучительному опыту, похоже, определили природу политического режима на удивительно долгий период времени. Политическая система режима Токугава была квазифедеральной системой, в которой центральное правительство сёгунов монополизировало внешние государственные функции, а княжества пользовались ограниченной автономией. В политической системе эпохи Мэйдзи государственная власть была централизована, однако при этом она была разделена с министерствами, обладавшими относительной независимостью. Послевоенная система, начиная с 1945 г., не изменила общей политической конфигурации, в которой присутствовали контроль над обществом в целом со стороны центрального правительства, а также фрагментация и разделение власти наверху. Под влиянием таких факторов, как расширение рынка, либерализация и глобализация, уровень централизации государственной власти стал постепенно снижаться, и данная тенденция стала особенно бросаться в глаза в эпоху Хэйсэй. Благодаря тому, что квазифедеральная система в Японии в той или иной форме продолжала существовать, политические перемены в ней не носили столь драматичного характера, как в других странах.

В Японии переходы от Средневековья к Новому времени, от эпохи раннего модерна к современности, от современности к постсовременности не были ни болезненными, ни слишком радикальными. Я не думаю, что утверждение о том, что благодаря отсутствию абсолютизма в Японии культурные изменения там происходят более плавно и постепенно, является оригинальным (кстати, абсолютизм зародился именно в Европе, и лишь благодаря колониализму он был укоренен по всему миру).

Образ японской политической культуры, созданный в 1930–1950-е годы, а также присвоенный ей ярлык авторитарной и неизменной культуры являются несколько гипертрофированными. Как показывает ряд ученых, многие известные исследования японской политической культуры имеют в своей основе избирательно зафиксированные взгляды, сформировавшиеся именно в этот период (высказанные в свое время крупными авторитетами, начиная с Янагита Кунио и Рут Бенедикт и кончая Маруяма Масао и Накано Тиэ)²⁴.

²³ *Mann M. The Source of Social Power. Vol. 1, 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.*

²⁴ Янагита Кунио (1875–1962) специально не ставил перед собой такой цели. Также образы японской политической культуры были представлены такими мыслителями, как Маруяма Масао (1914–1996), Кавадзима Такэеси (1909–1992), Камисима Дэиро (1918–1998), Кёгоку Дзюнъити (1924–2016).

Сравнительный анализ японской политической культуры в международном контексте

Данный раздел посвящен чрезвычайно сложной задаче систематизации различных теорий политической культуры в международном контексте. Во внимание будут приниматься главным образом те положения, которые получили многократные опытные и систематические подтверждения. Многие теории, касающиеся современной японской политической культуры, не имеют эмпирических оснований, и условия формирования голословных теорий способствовали расцвету такого явления, как *нихондзинрон* (дебаты относительно особых черт японского национального характера и японской культуры). Поэтому постараемся позаботиться о «подтверждении истинности» многих суждений о японской политической культуре. Кроме того, рассмотрение будет ограничено проблемами отношений граждан и государства. И при этом в центре внимания данного раздела будет именно «политическая» культура.

Гражданская идентичность

Способы взаимоотношений человека и государства, или нации, представляют собой одну из ключевых проблем, лежащих в основе политической культуры. Какова же идентичность, разделяемая отдельными гражданами? Иными словами, что люди думают о себе и что из того, что они думают, делает их в подлинном смысле самими собой? Или же, что, по их мнению, им наиболее соответствует?

Не удивительно, что 20 % респондентов опроса Asia-Europe Survey выбрали на этот вопрос ответ «я не знаю». Почему это так? Возможно потому, что японцы проявляют нерешительность, когда надо отвечать на вопросы, не содержащие конкретной контекстуальной информации (к сожалению, эти вопросы были не очень хорошо сформулированы лингвистически и методологически, и, следовательно, не получили эмпирического подтверждения). Однако среди опрошенных из 18-ти стран – девяти европейских и девяти азиатских – у японцев доля людей, которые ощущают свою национальную идентичность как принадлежность Японии, самая низкая, и это вызывает некоторое удивление. Получается, что японцы по сути затрудняются, когда встает вопрос об идентификации себя со своей страной или нацией.

Конечно, причины у каждого отдельного человека свои, но одна из них, скорее всего, их сильная приверженность пацифизму. Возможно, им нелегко простить государство, которое во время войны приносило в жертву и унижало своих граждан. Примером тому может служить описанная выше ситуация, когда во время войны в Афганистане японские Морские силы самообороны должны были заправлять топливом военные истребители США, Великобритании и Пакистана в Индийском океане, и такое политическое решение отнюдь не пользовалось безого-

ворочной поддержкой. И это несмотря на то, что такая операция по дозаправке была наиболее безопасной и наименее затратной из всего, что Япония могла бы сделать, чтобы внести вклад в афганскую кампанию.

Кроме того, у японцев есть еще одна причина для того, чтобы не выказывать доверие своему государству. Всякий раз, когда премьер-министр говорит о возможности повышения ставки потребительского налога, граждане выступают категорически против этого, и он сталкивается почти со стопроцентной вероятностью отставки. Такая ситуация наблюдалась, по крайней мере, на протяжении 1978–2007 гг.²⁵ В конце концов правительство аннулировало все государственные займы до 1945 г. Государство, или, точнее, Агентство социального страхования (упраздненное в 2009 г.), использовало часть страховой премии застрахованных в качестве собственных финансовых ресурсов²⁶. Когда недоверие к государству чрезвычайно велико, трудно ожидать, что граждане будут испытывать сильное чувство своей идентичности с государством или нацией. Поэтому вполне естественно, что они демонстрируют колебания по этому вопросу.

Как обстоит дело с другими аспектами идентичности? Азиатская идентичность – это, по всей вероятности, важная проблема, которую следует рассмотреть.

Как и национальная идентичность, азиатская идентичность также не очень сильна в Японии по сравнению с другими азиатскими странами, такими, как Филиппины, Таиланд и Северная Корея²⁷. Японцы испытывают неоднозначные чувства по отношению к Азии. Это напоминает затруднения, которые испытывают англичане, когда им приходится ставить свою страну на один уровень со странами Европейского континента. В Англии широко распространена формулировка: «Туман, покрывающий пролив, отделяет нас от Европы»²⁸. Японцы признают свой исторический цивилизационный долг по отношению к азиатскому континенту. Однако они считают наилучшим и наиболее безопасным подходом в отношении Азии держать дистанцию.

²⁵ Примеры отставок премьер-министров, связанные с повышением потребительского налога, включают таких лидеров, как Охира Масаёси, Миядзава Ёсикадзу и Хосокава Хироки. Многие премьер-министры избегали выбирать политический курс, связанный с увеличением налогов. Например, Коизуми Дзюньитиро удавалось избежать повышения налогов в течении пяти лет, пока он был у власти. В результате многие администрации выпустили огромное количество государственных облигаций без увеличения налоговых поступлений, и за последние три десятилетия произошло буквально астрономическое накопление правительством дефицита.

²⁶ *Inoguchi Takashi*. Can Fukuda Handle Stress Left by Abe? // *The Straits Times*, 2007, September 27.

²⁷ *Иногучи Такаси*. «Кокумин» исики то гуробаридзуму – сэйдзи бунка-но кокусай бункэцу: [«Национальное» сознание и глобализм – международный анализ политической культуры]. NTT сюппан, 2004.

²⁸ *Thakur R., Inoguchi Takashi*. Is Japan to main land Asia what Britain is to Europe? // *Japan Times*, 2003, November 9.

В связи с этой неоднозначностью в отношении азиатской идентичности существует две конкурирующие между собой позиции относительно того, как Япония позиционирует себя в мире. Школа, ставящая во главу угла «открытое море» (海洋) и торговлю, придерживается взгляда, что для Японии лучше всего быть частью тихоокеанской коалиции, так как ее выживание зависит от обеспечения беспрепятственного использования океана и свободной торговли. В противоположность этому школа, подчеркивающая значимость континента и соседних стран, утверждает, что Япония является частью Азии, и из соображений безопасности и коммерческих интересов она не может быть отделена от Азии. В опросах общественного мнения, касающихся этой темы, проводимых на протяжении многих лет, около 60 % респондентов поддерживает первую позицию и около 40 % – вторую, если не принимать во внимание ответы «я не знаю» и другие²⁹.

Исламские страны, такие как Индонезия и Малайзия, колеблются между исламской и азиатской идентичностями. Обычно исламская религиозная идентичность следует у них за национальной идентичностью, а азиатская идентичность стоит на третьем месте. Принадлежащие к китайской культуре общества Тайваня и Гонконга демонстрируют двойственность в отношении того, первое или второе место в их иерархии идентичностей занимает китайская культурная принадлежность. Сингапурцы в большинстве своем ощущают культурную принадлежность к китайскому ареалу, однако не испытывают дискомфорта по этому поводу. Как бы то ни было, среди азиатских стран, у которых отсутствуют китайская культурная идентичность или исламская идентичность, Япония демонстрирует самый низкий показатель в категории азиатской идентичности.

Доверие граждан

Далее обратимся к проблеме доверия. Ощущают ли японцы доверие к государству и его институтам? Эмпирические изыскания показывают, что их доверие по отношению к государству невысоко. Две главные причины их относительно низкого доверия государству были рассмотрены выше, а именно: война вызывает унижения и бедствия, война разрушила их жизнь. Большинство японцев не хочет снова быть вовлеченными в войну. Именно по этой причине японцы не отправляли солдат в Ирак до тех пор, пока президент Буш не объявил о победе, а главная оппозиционная партия выступала против принятия закона о заправке американских и английских истребителей в Индийском океане. Откровенное неприятие вызывает государственная политика налогообложения, независимо от того, касается она налога на прибыль, налога на по-

²⁹ Хотя формулировки вопросов варьируются, я исхожу из анализа ответов на них на протяжении многих лет.

требление, земельного налога, налога на недвижимость или налога с юридических лиц. Поскольку предложения правительства о повышении налогов на протяжении длительного времени не получают поддержки почти у 100 % граждан Японии, ее бюджетный дефицит достиг астрономических масштабов. Однако это не означает, что уровень недоверия японцев к своему государству чрезвычайно высок. Хотя японцы не готовы полностью доверить все свои сбережения государству, они с меньшими колебаниями размещают их на почтовых сберегательных счетах, которые являются самыми крупными в мире по объему средств. Кроме того, они не колеблясь покупают государственные облигации японского правительства.

А как обстоят дела с доверием граждан Японии к правительственным институтам? Характер их доверия по отношению к государственным институтам не сильно отличается по сравнению с гражданами других азиатских стран или с европейцами. Люди этих стран демонстрируют высокий уровень доверия полиции и армии (причем в странах Азии полиция на первом месте, а армия на втором, в Европе же они меняются местами). Следующими, с точки зрения доверия, являются общественные институты, в которых распределение должностей осуществляется по принципу меритократии и решаются технократические задачи. К их числу относятся юридическая и судебная системы, а также органы государственного управления. Самым низким уровнем доверия у японцев пользуются демократические институты – политические партии и законодательные органы. Такая модель распределения доверия более-менее универсальна³⁰. Только степень доверия к средствам массовой информации, большому бизнесу и международным институтам варьируется от страны к стране. Япония не является исключением из приведенной выше парадигмы. Поскольку уровень недоверия ее граждан по отношению к государству достаточно высок, даже тогда, когда Япония осталась без действующего премьер-министра вследствие болезни Абэ в сентябре 2007 г., согласно некоторым свидетельствам, лидеры политических и деловых кругов этой страны не испытывали никакого дискомфорта.

Степень удовлетворенности граждан

Каков уровень удовлетворенности японцев по отношению к государству? Довольны ли они результатами его деятельности? Не вызывает удивления тот факт, что они не высказывают особой удовлетворенности. Однако японцы могут гордиться поражающими воображение выдающимися достижениями, к числу которых относятся такие, как отсутствие гибели солдат во время военных действий, восстановление страны из пепла и превращение ее в великую экономическую державу,

³⁰ *Иногучи Такаси*. «Кокумин» исики то гуробаридзуму...

ее чудесная трансформация в течение 60 лет из милитаристского авторитарного государства в государство со зрелой демократией. Тем не менее в основном японцы выказывают осторожность в признании заслуг государства и скептицизм в отношении его достижений³¹.

Предельно веским ответом на вопрос о степени удовлетворенности японцев является постматериалистический ответ³². Поскольку стиль жизни людей отличается, их уровень удовлетворенности зависит от множества факторов и условий существования. К примеру, есть люди, для которых важнее всего результаты соревнований в гольф-клубе для пожилых. Или же те, которые испытывают счастье от встречи с приехавшими издалека внуками. Тем не менее они принадлежат к той же группе, что и граждане экономически благополучных Тайваня, Гонконга и Люксембурга, которые не испытывают удовлетворенности. Еще один возможный ответ – групповые конфликты. Социологическая гипотеза относительно конкуренции и мобилизации в социальных группах предполагает, что разрыв между богатыми и бедными увеличивается во время рецессии и сокращается в благополучные времена, и бедные люди во время рецессии испытывают неудовлетворенность по вполне очевидным причинам. Однако при благоприятной экономической ситуации, когда уровень доходов постепенно повышается, одновременно с этим создаются условия, влияющие на нарастание духа конфликтности внутри группы. Иными словами, бедные люди выражают неудовлетворенность по поводу прошлого плачевного состояния и нынешнего сокращения разрыва между богатыми и бедными (которое происходит недостаточно быстрыми темпами). Когда конкурентный дух мобилизуется политическими средствами, бедные получают право голоса в распределении ресурсов благодаря тому, что публично выражают большую или меньшую степень своего недовольства. Слабость данной теории в том, что порой затруднительно различить группы богатых и бедных. Когда в Европе длительное время на протяжении XIX и XX века имелись четко разделяемые конфликтующие классы, аргументация данной теории была значительно проще.

Отдельно от фактора удовлетворенности деятельностью государства в целом существуют также и показатели удовлетворенности отдельными сторонами жизни. Вполне ожидаемо, что очень многие японцы озабочены вопросами внутренней политики, в частности, социальной политики. Они недовольны уровнем пенсионного обеспечения, медицинского страхования, благосостояния, различиями в доходах между городом и деревней, неправомерным положением мужчин и женщин. Кроме того, их также не удовлетворяют ситуация в системе образования, состояние борьбы с

³¹ *Inoguchi Takashi, Blondel J. Citizens and the State: Attitudes in Western Europe and East and Southeast Asia. London: Routledge, 2007.*

³² *Inglehart R. The Silent Revolution in Europe. Princeton: Princeton University Press, 1993.*

преступностью и коррупцией. Что касается внешней политики, то по вопросу об участии в зарубежных военных операциях, японцы разделились на тех, кто их поддерживает, и тех, кто против. Та же самая ситуация имеет место и в связи с проблемой пересмотра Конституции³³.

Семейные ценности

Семейные ценности являются одним из ключевых компонентов современной японской политической культуры, поскольку связаны с авторитаризмом в политике. В области семейных ценностей существует множество течений³⁴.

К наиболее традиционным ценностям относятся: почтение к родителям, искренность, трудолюбие, гармония, скромность, мастерство, честность и простота. Благодаря Рут Бенедикт им был придан гипертрофированный смысл. В своей знаменитой книге «Хризантема и меч» она возводит почтение к императору, самурайский дух, преданность и повиновение к одному источнику семейных ценностей. Также Рут Бенедикт добавляет к этому списку семейных ценностей авторитаризм. Таким образом, утверждается, что слепое соблюдение достигнутого авторитарными методами консенсуса и избыточный культ коллективной вины воспитываются в семье, которая является оплотом традиционных японских ценностей и добродетелей.

Однако создается впечатление, что наблюдаемые в последнее время в Японии семейные ценности и добродетели несколько отличаются от традиционных. Среди черт характера, которые родители хотели бы воспитать в своих детях, особо выделяется внимательность к окружающим (симпатия – *омоияри*, доброта и мягкость – *ясасиса*). Это можно также интерпретировать с помощью слов «терпимость» (*канъё*), «милосердие» (*дзидзэн*), «предупредительность» (*сирёбукаса*), «забота» (*хайрё*). Слово *омоияри* оказалось на первом месте среди прочих слов, обозначающих предпочтительные черты характера, содержащиеся в 60% ответов японских респондентов. Ответ японцев на этот вопрос отличается от ответов, даваемых опрошенными из других стран Азии. Респонденты из Китая, Южной Кореи, Тайваня, Вьетнама, Сингапура и Гонконга более менее единодушно выделяют следующие три черты характера, которые в первую очередь должны воспитываться в семье, а именно – самостоятельность (независимость), трудолюбие и искренность. Все эти три качества имеют отношение к личности и не являются отличительными чертами общества. Таким образом, респонденты придерживаются той

³³ *Yomiuri Shimbun*. Nihon-no yoron (Public Opinion in Japan), Tokyo: Yomiuri shimbunsha, 2002.

³⁴ *Inoguchi Takashi*. Social Capital in East Asia: Comparative Political Culture in Confucian Societies, presented at the Asia Barometer Workshop and Symposium. Sydney: University of Sydney, 2006, December. P. 14–15.

точки зрения, что в своей жизни человек должен быть независим. Напротив, ответы японцев показывают, что они делают выбор в пользу внимательности и предупредительности по отношению к окружающим. Это качество имеет отношение к чему-то выходящему за пределы социальной сферы. Возможно, японцы менее материалистичны в своем отношении к миру, тогда как другие народы Азии, придавая жизни наибольшую ценность, демонстрируют устойчивую приверженность материалистическим ориентациям. Кроме того, среди респондентов из других стран Азии, помимо Японии, наблюдается значительная вариативность ответов на указанный вопрос. В Южной Корее в дополнение к трем основным качествам – самостоятельности, трудолюбию и искренности – в качестве приоритетного добавляется уважение к старшим. Во Вьетнаме, по сравнению с другими странами, большое значение придают послушанию. В Тайване, Гонконге и Сингапуре респонденты демонстрируют свою специфику, отличающую их от жителей других стран.

К семейным ценностям также имеют непосредственное отношение проявления авторитаризма в школьном классе. Существует образ японских школьников как послушных, понятливых, неконфликтных и вежливых. Вместе с тем сравнительные исследования поведения в классе, проведенные Мэри Уайт³⁵, свидетельствуют с достаточной очевидностью, что японских детей отличает сочетание расположенности к кооперации и консенсусу, с одной стороны, и соревновательности и демаршам – с другой. И последнее не менее важно. И когда им даются соответствующие задания, японские учащиеся часто проявляют хорошую инициативность. Культурные различия такого рода также целесообразно принимать в расчет при разработке форм и методов обучения.

Хорошим примером является способ преподавания английского языка в Америке (учитель задает тему, а обсуждение ее ведется в относительно свободной форме). Однако этот метод иногда ставит в тупик студентов из Восточной Азии. Многие из них не задают вопросов преподавателю и не обязательно выражают желание отвечать на его вопросы. Они, прежде всего, ждут от преподавателя четких и подробных инструкций, как они должны формулировать свои ответы. Если процесс обучения ведется на таком уровне, дети показывают исключительно хорошие результаты. Одним из подтверждений эффективности такого подхода является тот факт, что для обучения английскому языку родители из Восточной Азии посылают своих детей не в США, а в Сингапур, и в Китае пользуются популярностью именно сингапурские методики преподавания английского языка. Сингапурские дети имеют сходство с японскими детьми в том, что они сочетают в себе исполнительность и соревновательность.

³⁵ *White M. The Material Child: Coming of Age in Japan and America, N.Y.: Free Press, 1993.*

Вопросы, которые следует учитывать при анализе политической культуры

Японская политическая культура чрезвычайно богата, и в рамках одной главы невозможно охватить все ее аспекты. В заключении вместо подведения итогов хотелось бы кратко остановиться на двух важных темах, имеющих отношение к политической культуре. Во-первых, японская политическая культура, вне всякого сомнения, в значительной степени имеет адаптивный восприимчивый характер. Если слишком не заикливаться на коллективизме или индивидуализме как определяющих факторах и не избирать соревновательность или подчинение в качестве единственного ракурса рассмотрения, то политическая культура обнаружит свой меняющийся облик, проявляющийся благодаря внутренним и внешним трансформациям. Есть ироничная поговорка, которая гласит: «Как бы мы ни менялись, мы остаемся самими собой». Если ее перефразировать, то получится, что для того, чтобы быть верным себе, необходимо изменяться. Поэтому при изучении культуры в целом и политической культуры, в частности, нельзя подходить к ней так, как будто бы это – ДНК людей, живущих в культурном контексте некой заданной общности, которая называется национальной цивилизационной единицей.

Во-вторых, в изучении политической культуры важную роль играет фактор языка. Язык – это часть культуры. Для лучшего понимания политической культуры той или иной страны необходимо как можно лучше знать ее язык. Далее для успешного исследования политической культуры нужно иметь в виду, что характер интервьюирования в опросах общественного мнения может иметь как информативный, так и дезинформирующий эффект, и уметь вовремя корректировать подобные недочеты. На понимание трансформаций политической культуры можно надеяться лишь при условии внимания к вопросам культуры и глубокого изучения языка. Полвека назад американский социолог и политолог Сеймур Мартин Липсет сказал: «Человек, который знает только одну страну и интересуется только одной культурой, не знает ни одной страны и ни одной культуры»³⁶.

При взгляде в ракурсе долговременной перспективы политическая культура динамична. Если проявлять интерес к другим странам и другим культурам, достигается лучшее понимание собственной культуры. Для узнавания других стран и других культур необходимо изучение иностранных языков, которое способствует более глубокому пониманию культуры. Без этого осмысление политической культуры будет поверхностным.

Перевод с японского Л.Б. Кареловой и С. В. Чугрова

³⁶ Lipset M. American Exceptionalism, N.Y.: Norton, 1998.